

А.А. Старышкина*

A.A. Staryshkina*

**Эго-документы как источник
для изучения картины мира
русских журналисток
конца XIX – начала XX в.****

**Ego-documents as sources for exploring
worldviews of Russian women-
journalists of the late XIXth –
early XXth century****

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-2-13

УДК 930.2:94(47+57)"18/19"

Выходные данные для цитирования:

Старышкина А.А. Эго-документы как источник для изучения картины мира русских журналисток конца XIX – начала XX в. // Исторический курьер. 2019. № 2 (4). Статья 13. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-13.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-2-13

How to cite:

Staryshkina A.A. Ego-documents as sources for exploring worldviews of Russian women-journalists of the late XIXth – early XXth century // Historical Courier, 2019, # 2 (4). Article 13. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-13.pdf>

Abstract: The article analyzes ego-documents of Russian women-journalists of the late XIXth – early XXth century. Furthermore, it defines the concept of "journalist" in relation to the specified period. For the author the women's self-identification with their profession, for which the broader term "writer" was often used, is of particular importance.

The author characterizes memoirs written by women-journalists in the Russian Empire, Soviet Union and in exile, diaries that women-writers kept in the late XIXth – early XXth century, autobiographies made to order, obituaries in form of memoirs. Despite the fact that letters belong to the category of ego-documents, they aren't being studied in this text, because the author is going to devote a separate research paper to them.

The use of ego-documents as sources for the reconstruction of the world view of Russian women-journalists of the end of the XIXth – early XXth century made it possible to identify the intellectual leaders, communicative practices and networks of social interaction of professional community of Russian journalists, perceptions of core categories of world view – time and space, along with the categories of social definition – power, freedom and labor. On the pages of these texts women constructed a vision of themselves, their colleagues, significant journals and newspapers; reflected on their position in the male world of journalism, their professional duties, reconciliation of work and family responsibilities; described their socio-political stance, highlighted issues, which were faced by the society and the State.

Keywords: women-journalists; ego-documents; memories; diaries; autobiographic; world view; gender.

The article has been received by the editor on 28.2.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация: В статье проанализированы эго-документы русских журналисток конца XIX – начала XX в. как источник для изучения картины мира их авторов. Дано определение понятия «журналист» по отношению к указанному периоду. Для автора особое значение имеет

* **Старышкина Анастасия Андреевна**, сотрудник отдела ценных и редких книг Новосибирской государственной областной научной библиотеки, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: staryshkina@mail.ru

Staryshkina Anastasia Andreevna, officer Department of precious and rare books Novosibirsk State Regional Scientific Library, postgraduate student, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia), e-mail: staryshkina@mail.ru

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Интеллектуальный лидер и его окружение: формирование социокультурной идентичности» (№ 18–09–00094а).

самоидентификация журналисток со своей профессией, для которой зачастую использовался более широкий термин литератор.

Были охарактеризованы мемуары, написанные сотрудницами периодики в имперской России, в Советской России, в эмиграции, дневники, которые журналистки вели в конце XIX – начале XX в., автобиографии на заказ, некрологи в форме воспоминаний. Несмотря на то, что письма причисляются к эго-документам, они не изучаются в данном тексте, поскольку автор собирается посвятить им отдельную статью.

Использование эго-документов в качестве источников для реконструкции картины мира русских журналисток конца XIX – начала XX в. позволяет установить интеллектуальных лидеров, коммуникативные практики и сеть социальных взаимодействий профессионального сообщества журналистов, представления о базовых категориях мировоззрения – времени и пространстве, а также о концептах социального определения – власти, свободе и труде. На страницах данных текстов женщины выстраивали образы значимых периодических изданий, себя и своих коллег; рефлексировали о своем положении в мире журналистики (который был преимущественно мужским), о своих профессиональных обязанностях, о совмещении работы с материнскими функциями; рассказывали о своей общественно-политической позиции, освещали проблемы, которые вставали перед обществом и государством.

Ключевые слова: журналистки; эго-документы; воспоминания; дневники; автобиографии; картина мира; гендер.

* * *

Одним из последствий антропологического поворота считается смещение внимания исследователя с истории событий на историю состояний. В связи с изменением проблематики переменялся и статус эго-документов. Некогда занесенные в ранг маргинальных, они стали незаменимыми источниками, которые позволяют обновить концептуальные и тематические направления исторических исследований именно благодаря ярко выраженной субъективности, а также вследствие содержащихся в них сведений о повседневной жизни, мировоззрении и эмоциональном мире авторов данных текстов.

Исследование эго-документов журналисток тесно связано со степенью изученности их биографий и творческого наследия. Довольно востребованными являются эго-документы тех из журналисток, кто одновременно были или популярными писательницами/поэтессами (А.А. Вербицкая, П.С. Соловьёва, В.Н. Цеховская, О.А. Шапир, А.А. Авилова, Н.А. Лохвицкая («Тэффи»)¹, или активными деятельницами общественно-политического движения (Л.Я. Гуревич, А.В. Тыркова, А.И. Волкова)², или же являлись пионерами в какой-либо области (Л.Я. Гуревич как издательница «Северного Вестника» – первого журнала русского символизма, А.В. Тыркова как первая женщина, состоявшая в ЦК партии кадетов, А.И. Соколова как одна из первых женщин-журналисток)³. Иногда о женщинах пишут

---

¹ Бочкарева Е.В. Комическое в художественном мире Н.А. Тэффи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2001; Спендель Д. Строительницы струн. Женщина, творчество, литература. СПб., 2007. С. 39–53; Снычева Е.А. Поликсена Соловьёва как автор и издатель детского журнала «Тропинка» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 115–124; Олехова И.П. Беллетристика О.А. Шапир: особенности проблематики и поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2015; Zirin M. «A particle of our soul»: prerevolutionary autobiography by Russian women writers // A History of Women's Writing in Russia / eds. A.M. Barker and J.M. Gheith. Cambridge, 2002. pp. 100–116; Marsh R. Realist prose writers, 1881–1929 // A History of Women's Writing in Russia / eds. A.M. Barker and J.M. Gheith. Cambridge, 2002. pp. 175–206; Шкляева Е.Л. Мемуары как текст культуры. Женская линия в мемуаристике XIX–XX вв.: А.П. Керн, Т.А. Кузминская, Л.А. Авилова. М., 2015.

² Ruthchild R.G. Writing for Their Rights: Four Feminist Journalists: Mariia Chekhova, Liubov' Gurevich, Mariia Pokrovskaja, and Ariadna Tyrkova // An Improper Profession: Women, Gender and Journalism in Late Imperial Russia / eds. B.T. Norton and J.M. Gheith. Duke University Press, 2001. pp. 167–195; Lindermeyer A. Anna Volova: from merchant wife to feminist journalist // An Improper Profession: Women, Gender and Journalism in Late Imperial Russia / eds. B.T. Norton and J.M. Gheith. Duke University Press, 2001. pp. 120–139.

благодаря их известному мужу/любовнику/другу (Л.А. Авилова и А.П. Чехов)⁴. Хотя не всегда в упомянутых работах речь идет об их эго-документах, бывает, что автор останавливается только на описании биографии. Одним из исключений является статья Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой, в которой воспоминания А.В. Тырковой анализируются как отражение женского автобиографического письма и источник для изучения самоидентификации и памяти⁵. Однако пока эго-документы не рассматривались как источник для изучения картины мира русских журналисток, что и является задачей данной статьи.

Прежде, чем приступить к характеристике эго-документов журналисток, следует остановиться на дефинициях основных понятий. Под эго-документом мы вслед за Л.Ф. Луцевич понимаем «слово, производное от двух слагаемых латинского происхождения (лат. ego – я + лат. document – свидетельство, доказательство), имеющее значение – я свидетельствую (о себе). Он обладает специфическими чертами и свойствами, определяемыми именно первой частью понятия – “эго”. Эго в свою очередь – это та часть человеческой личности, которая осознается как Я и находится в разнообразных контактах с окружающим миром»⁶. Важным является замечание исследовательницы, что «эго-документ идентифицируется с понятием реальная человеческая личность – он аутентичен, реален, правдоподобен (сознательно ухажу от слова “правдив”), изначально соотносится с частным лицом»⁷.

Исследователями пока не было дано определения понятия «журналист» по отношению к изучаемой эпохе. Это необходимо сделать, поскольку данный фактор напрямую влияет на отбор эго-документов для написания статьи. Слова «журналист» (как человека, занятого литературной или околотелитературной деятельностью) не найти в толковых или энциклопедических словарях конца XIX – начала XX в. Например, во всем известном словаре под редакцией Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона дано определение в соответствии с распространенным в делопроизводстве XIX в. значении слов «журнал» и «журналист»: «в военном ведомстве и некоторых гражданских местах лицо, ведущее входящие и исходящие журналы, то есть записи поступающих и отправляемых деловых бумаг»⁸. Понятие «журналист» встречается в словарях иностранных слов, вошедших в состав русского языка. В них можно найти определения от одинаковых по смыслу с процитированным из Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, до «пишущий в журналах»⁹ или «пишущий в периодических изданиях»¹⁰, «писатель, посвятивший себя журналистике»¹¹. Приведенные выше дефиниции далеки от того, чтобы прояснить суть журналистской работы или охарактеризовать ее

³ Гулич Е.А. Роль Л.Я. Гуревич в эволюции журнала «Северный Вестник». URL: http://nauka.hnpu.edu.ua/sites/default/files/fahovi%20vudannia/2010/literaturoznavstvo63_3_1/10.html (дата обращения: 23.04.2017); Прозорова Н.А. К биографии А.И. Соколовой (Синее Домино). URL: http://az.lib.ru/s/sokolowa_a_i/text_k_biografii_sokolovy.shtml (дата обращения: 18.01.2019); Букчин С.В. Встречи и знакомства Александры Соколовой // А.И. Соколова. Встречи и знакомства. М., 2017. С. 5–24.

⁴ Авилова К.В. «На выражах времени» – о Л.А. Авиловой. URL: http://culturolog.ru/index2.php?option=com_content&task=view&id=2020&pop=1&page=0&Itemid=9 (дата обращения: 4.02.2019).

⁵ Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. «О себе я стараюсь говорить меньше, но всё же говорю»: самоидентификация и память в русском женском автобиографическом письме конца XIX – первой половины XX в. // *Avtobiografija*. 2012. № 1. С. 121–143.

⁶ Луцевич Л.Ф. Документальность и эго-документ // *Литература и документ: теоретическое осмысление темы (материалы «круглого стола»)*. 2008. URL: <http://imli.ru/index.php/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy> (дата обращения: 2.01.2019).

⁷ Там же.

⁸ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона / под ред. проф. И.Е. Андреевского. Т. 12. СПб., 1894.

⁹ Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / под ред. М. Попова. М., 1911. С. 136

¹⁰ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1894. С. 330–331.

¹¹ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. по Энциклопедическому словарю Ф. Павленкова. СПб., 1907. С. 184.

отличительные черты от литературной деятельности. Это объясняется внутренними тенденциями литературы и журналистики того времени, когда эти два профессиональных сообщества еще не были отделены друг от друга. На данный момент существует множество определений данного понятия. Чаще всего берется формулировка из закона о средствах массовой информации согласно которой журналист – это «лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию»¹².

По нашему мнению, журналисты конца XIX – начала XX в. – это лица, занимающиеся редактированием, созданием или подготовкой текстов для редакции периодического издания. Они нацелены на постоянное сотрудничество в печатных изданиях, а также получают за свою работу гонорар. Кроме того, является важной их самоидентификация с данной профессией. Несмотря на то, что все рассматриваемые мной авторы эго-документов сотрудничали в периодических изданиях, они редко прямо называли журналистику областью своей деятельности. Зачастую журналистки для обозначения своей профессиональной идентичности использовали более широкий термин «литератор». Это объясняется, по мнению Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой, рядом факторов¹³. Во-первых, употребление слова «литератор» показывает приоритет профессиональных критериев, нежели идейных и эстетических, связанных с понятием «интеллигенция». Во-вторых, это объясняется спецификой журналистики тех лет, так как граница между писательством и журналистикой тогда была весьма иллюзорна. В-третьих, стремлением «поднять» свой статус за счет принадлежности к литературе, которая в русской культуре занимала сакральное положение. Однако встречались и те, кто прямо говорил о своей причастности к журналистике. Яркий пример тому А.В. Тыркова и М.С. Богуславская¹⁴.

Значение эго-документов для изучения картины мира журналисток тем более велико, что, по мнению А.В. Беловой, данный вид источников является «дисплеем женской субъективности». Эго-документы не только «служат источниками типичного для своего времени восприятия внешних событий, но прежде всего выражают грань внутриспсихического переживания, сокровенные мечты и страхи, сознательные и бессознательные стратегии действия и вытеснения»¹⁵. Именно в такого рода текстах находят отражение многие аспекты женской повседневности, менталитета, субъективного мировосприятия и переживаний. А. Баркер справедливо замечает: «Такого рода тексты надо научиться рассматривать в качестве культурных документов, рассказывающих о том, как конструировалась и “разыгрывалась” гендерная идентичность, публичное/приватное в жизни личности и культурная мифология»¹⁶. Таким образом, именно субъективный характер и личное происхождение данного вида исторических источников делает их особенно ценными для исследования становления социокультурных представлений журналисток. Кроме того, при анализе женских текстов важно учитывать их гендерную специфику, те особенности, которые отличают их от мужских аналогов.

Известно, что в таких текстах автор не только документирует свою идентичность, но и моделирует ее в процессе письма. В своих эго-документах сотрудницы периодики,

---

¹² Большой юридический словарь / сост.: А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева М., 2003. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/index-208.htm> (дата обращения: 2.02.2019).

¹³ Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX в.: А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича // *AvtobiografiЯ*. 2014. № 3. С. 70.

¹⁴ Тыркова А.В. На путях к свободе. М., 2007; Богуславская М.С. За четверть века // *Наблюдатель*. 1897. № 1. С. 201–227; № 2. С. 221–239.

¹⁵ Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // *Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сборник статей / отв. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева*. М., 2013. С. 53.

¹⁶ Barker A. Reading the Texts – Rereading Ourselves // *Women and Russian Culture. Projections and Self-Perceptions / ed. by R. Marsh*. Berghahn Books, 1998. P. 54.

переосмысливая опыт прошлого (даже сравнительно недавнего), конструировали образ мира журналистики и актом их написания «вписывали» себя и других женщин в историю данной профессиональной группы, создавая её и свой образ. Особенный акцент в эго-документах ставился на воссоздании «духа времени», на описании и значении роли «других», оттеняя тем самым свой вклад в журналистику.

Нами были проанализированы эго-документы, написанные в разных странах и в разное время и поэтому преследовавшие разные цели. Журналистки писали тексты, живя ещё в Российской империи, или в уже новой стране – СССР, или находясь в эмиграции. Отличны они не только по месту написания, но и по виду – мемуары, автобиографии, дневники. А.Г. Тарковский полагал, что авторы мемуаров стремились «запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем»¹⁷. Эту же и многие другие цели преследовали авторы рассматриваемых в данной статье текстов – воссоздание духа времени, документирование эпохи, документирование себя, сохранение памяти о значимых, с их точки зрения, людях. Эго-документы нередко выполняли психотерапевтические функции, сохраняя не только образ Автора для потомков, но и сохраняя, воссоздавая этого Автора для себя самого. Дневники могли являться средством самообучения женщин, в которых они переосмысливали важные проблемы тех дней, книги, статьи ими прочитанные. По традиции к эго-документам относятся автобиографии, дневники, воспоминания, письма. Понимая все значение писем для решения поставленной нами задачи, мы все же в настоящей статье их не рассматриваем и посвятим им отдельное исследование.

При анализе такого рода источников следует учитывать, что в них журналистки стремились сформировать у читателя определенное представление, иногда даже выдавали желаемое за действительное. В то же время необходимо учитывать и цензурные ограничения, невозможность открыто выразить свои взгляды, как в условиях имперской, так и Советской России. Эмиграция также накладывала определенный отпечаток на созданные в ней тексты. Многие в памяти идеализировались, искажались вследствие пережитых событий, вследствие желания воссоздать «утраченную Россию». По мнению В.В. Нурковой, автобиографическая память, всегда задействованная при написании эго-документов, выполняет две главные группы функций: интерпсихологическую (поддержание связей с различными социальными группами; достижение социальной солидарности или отторжения; передача опыта новому поколению; установление доверительных межличностных контактов; предсказание поведения других людей по аналогии с событиями своей жизни) и интрапсихологическую (саморегуляция; источник содержаний для формирования Я-концепции; осознанное построение и выбор жизненных стратегий; конструирование и сохранение самоидентичности личности)¹⁸. Эго-документы в таком случае – это попытка не только передать опыт (часто болезненный) будущим и настоящим поколениям, но и преодолеть кризис идентичности, возникший в связи с внешней или внутренней эмиграцией. Это способ изменения своего статуса «маргинала» путём воссоздания на бумаге когда-то бывшей успешной Себя.

Прежде всего остановимся на характеристике воспоминаний журналисток конца XIX – начала XX в. По мнению А.Г. Тартаковского, в мемуарах в сравнении с другими источниками личного происхождения «с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется историческое сознание личности»¹⁹. Нами были изучены мемуары, написанные в эмиграции (А.В. Тырковой), а также в Советской России (Э.К. Пименовой, М.К. Куприной-Иорданской, Н.В. Остроумовой-Сиговой, Л.А. Авиловой)²⁰.

¹⁷ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 23.

¹⁸ Нуркова В.В. Свёршённое продолжается: психология автобиографической памяти. М., 2000. С. 40.

¹⁹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 24.

²⁰ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007; Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. М., 1998; Пименова Э.К. Дни минувшие. М.; Л., 1929; Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. М., 1966;

А.В. Тырковой оставлены три книги воспоминаний, две из которых были заново опубликованы в конце XX – начале XXI в. Они являются чрезвычайно информативным источником и, если в первая книга представляет собой, по определению автора, летопись семейную, то вторая – политическую, где семейное отступает на второй план. Как отмечает сама Тыркова, она писала воспоминания, находясь во Франции под немецкой оккупацией, «чтобы заглушить неистовую тоску» и «воскресить в памяти то, что давала, чем дарила русская жизнь»²¹, поэтому невольно мемуары затрагивают проблемы темпоральности в картине мира журналистки. А.В. Тыркова стремилась воскресить в памяти мировоззренческие ориентиры людей второй половины XIX – начала XX в., их быт, их надежды и стремления. Для нас особенно ценны те отрывки из ее воспоминаний, в которых она описывает особенности и изменения положения прессы в конце XIX – начале XX в., свою работу в качестве журналистки, рефлексии о совмещении ею материнских и профессиональных функций, а также осмысление роли интеллектуальных лидеров в становлении ее идентичности.

Мемуары Э.К. Пименовой написаны в непростой для нее период, после революции, но повествуют о самой счастливой эпохе ее жизни – до 1904 г., до смерти ее близкого друга Н.К. Михайловского. Поэтому они чем-то похожи на воспоминания А.В. Тырковой, тоже написаны как будто из эмиграции, только внутренней. Воспоминания Э.К. Пименовой повествуют о детстве и юности дворянки во второй половине XIX в., с метаниями, фиктивным браком, поступлением на Высшие женские курсы, рассказывают о становлении мировоззрения будущей журналистки. Благодаря опыту работы в органе печати, имевшем консервативную ориентацию, а также в множестве либеральных, радикальных и даже народнических изданий, Пименова смогла рассказать об устройстве мира журналистики конца XIX – начала XX в. и о некоторых его значимых акторах. Например, об Н.К. Михайловском, который рисуется одним из интеллектуальных лидеров в среде пишущей братии.

М.К. Куприна-Иорданская, издательница журнала «Мира Божьего», переименованного в «Современный мир», оставила после себя несколько воспоминаний об известных личностях. Это были ее друзья – Д.Н. Мамин-Сибиряк, М. Горький и Л. Андреев, а также ее первый муж – А.И. Куприн. О своей деятельности, как и о своих чувствах, М.К. Куприна весьма редко говорит прямо. Однако, благодаря своему статусу дочери издательницы, а потом и своему опыту издания журнала Куприна была хорошо знакома с журналистской и литературной средой, нормами поведения и повседневными практиками сотрудников периодики, и повествует об этом на страницах своих воспоминаний.

Мемуары Л.А. Авиловой раскрывают некоторые аспекты взаимодействия сотрудника периодики с редакторами и издателями, коммуникативные практики внутри журналистского и литературного сообщества. Кроме того, Авилова весьма откровенна в рассказе о сложностях совмещения семейной жизни с литературной деятельностью.

Н.В. Остроумова-Сигова оставила весьма короткую мемуарную заметку о Д.Н. Мамине-Сибиряке, в которой она раскрывает особенности функционирования коммуникативного пространства провинциальной прессы, своей профессиональной деятельности и участия в газете «Екатеринбургская неделя» Мамина-Сибиряка.

Кроме того, отдельно можно выделить эго-документы журналисток, созданные ими еще в Российской империи. Особой ценностью в данном случае обладают дневники, вследствие их более непосредственного, чем в воспоминаниях, отражения восприятия происходящих событий. Они позволяют проследить эволюцию представлений на определенном отрезке жизненного пути, выявить факторы, влиявшие на формирование их картины мира. Так,

Куприна-Иорданская М.К. Из воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке // Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 167–188; *Иорданская М.К.* // Литературное наследство. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965. С. 379–380; *Остроумова-Сигова Н.А.* Воспоминания о Д.Н. Мамине // Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 147–155; *Авилова Л.А.* Рассказы и воспоминания. М., 1984.

²¹ *Тыркова-Вильямс А.В.* То, чего больше не будет. М., 1998. С. 11.

И.Л. Савкина считает, что «одна из особенностей дневниковых практик именно в том и состоит, что в ней (может быть, в большей степени, чем в других жанрах) идентичность постоянно (ре/пере/де) конструируется в процессе письма. Нарративное я – это субъект в процессе; оно никогда не готовое; оно расщепленное, изменчивое, противоречивое. Дневник – не способ самоописания, а средство самоописания, “воспроизводства себя”»²².

А.В. Тырковой, помимо воспоминаний, были созданы дневники, которые она вела начиная с 1894 г., что делает их ценным источником для изучения картины мира журналисток²³. Интересно, что некоторые оценки людей, восприятия событий различны в ее дневниках и воспоминаниях. Ее дневник документирует сферу социальных взаимодействий журналистки, в нем очень ярко отражены все грани представлений Тырковой о свободе, о времени, даны характеристики некоторым деятелям печатного мира (А.А. Давыдовой, М.К. Куприной-Иорданской, А.А. Вербицкой).

Вели дневники и другие сотрудницы периодики – Е.А. Дьяконова, А.И. Волкова. Подобные дневники А.Л. Зорин называет интимными, потому что такие тексты являются «ориентированными на самоанализ и самосовершенствование, проецируют в будущее тот образ, которому автор хотел бы соответствовать и, исходя из которого, он разбирает, оценивает и судит собственные поступки и переживания»²⁴. В эго-документах Е.А. Дьяконовой и А.И. Волковой критике подвергаются общественные порядки в России и мире. Одной из самых животрепещущих проблем современности для обеих женщин являлся «женский вопрос». Одной из больных тем для обеих героинь являлись взаимоотношения с матерью. Однако между ними есть и некоторые различия. Несмотря на то, что и Е.А. Дьяконова, и А.И. Волкова по своему социальному происхождению принадлежали к купечеству, первая соприкасалась с данным сословием только на встречах с родственниками, поэтому нечасто соотносила себя с данной социальной группой. А.И. Волкова же, напротив, часто рефлексировала о том, как на нее повлияла сословная принадлежность. Из дневников Волковой можно также узнать о популярных публицистах того времени, о тех книгах, статьях, которые выходили по женскому вопросу в период ведения ею дневника, а самое главное – о ее реакциях на эти тексты.

Следует особо остановиться на информационных возможностях автобиографий журналисток, написанных ими на заказ. Речь идет об автобиографии А.А. Вербицкой, созданной для «Сборника на помощь учащимся женщинам»²⁵. Данный текст должен был вдохновлять женщин на получение образования для дальнейшего самостоятельного заработка, что повлияло на его содержание. Несмотря на некоторую тенденциозность и даже претенциозность автобиографии Вербицкой, часто напоминающей одно из ее беллетристических произведений, она является ценным источником для изучения картины мира русских журналисток. В ней отчасти отражено чрезвычайно характерное представление о труде (как высшей и главной цели в жизни), о стремлении к Делу как основной жизненной интенции. Примечательно, что в данной автобиографии Вербицкая рассказывает о своем опыте работы в журналистике.

В сборнике «Русская литература XX в.», изданном под редакцией С.А. Венгерова, помимо его собственных статей и текстов о специфике литературы данного периода, были опубликованы автобиографические заметки некоторых женщин, работавших в органах периодики. Речь идет об эго-документах З.А. Венгеровой, Л.Я. Гуревич и П.С. Соловьевой²⁶.

²² Савкина И.Л. Теории и практики автобиографического письма. URL: <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1070/1097/index.html> (дата обращения: 22.05.2015).

²³ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М., 2012.

²⁴ Зорин А.Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX в. М., 2016. С. 31.

²⁵ Вербицкая А.А. Анастасия Алексеевна Вербицкая // Сборник на помощь трудящимся женщинам. М., 1901. С. 84–91.

²⁶ Гуревич Л.Я. История «Северного вестника» // Русская литература XX в. 1890–1910 / под ред. С.А. Венгерова. М., 2004. С. 141–159; Венгерова З.А. Автобиографическая справка // Русская литература XX в. 1890–1910 / под ред. С.А. Венгерова. М., 2004. С. 83–84; Соловьева П.С. Автобиографическая заметка //

Для нас особое значение имеют те сведения о роли семьи и литературы в становлении картины мира журналисток, которые считали важным привести данные авторы. Кроме того, в текстах Гуревич и Соловьевой раскрывается специфика работы женщины в качестве редактора-издателя, особенности материального положения и влияние на него представлений о труде. Поднимаются также некоторые проблемы взаимодействия и взаимоотношения с властью сотрудниц периодики.

Целый пласт эго-документов находится в сборнике литературных автобиографий, собранных Ф.Ф. Фидлером²⁷. В нем содержатся воспоминания женщин, которые сотрудничали в периодике в исследуемый период, – О.А. Шапир, Т.Л. Щепкиной-Куперник, В.И. Томашевской, «Тэффи» (Н.А. Лохвицкой), И.А. Гриневской, Л.Я. Гуревич. Все они должны были ответить на вопросы, предложенные им Фидлером в свободной форме. Некоторые из сотрудниц печати отвечали не на все вопросы, кто-то пространно, кто-то кратко, но из всех автобиографий можно почерпнуть информацию о литературном быте и условиях труда. Например, затрагивается вопрос об обстановке жизни в детстве, «мытарстве по редакциям», о добросовестности или ее отсутствии у редакторов, об отношениях с цензурой автора.

Кроме того, к эго-документам, являющимся источником изучения картины мира русских журналисток, мы относим некрологи. По мнению Т.А. Колядич, данный вид источника является одной из форм мемуаристики в литературном мире²⁸. Написала некролог, посвященный издательнице «Мира Божьего» А.А. Давыдовой, и А.В. Тыркова²⁹. Конечно, на подобный некролог, оформленный в виде воспоминаний, накладываются некоторые особенности жанра, что необходимо учитывать, как и то обстоятельство, что он опубликован в «Мире Божьем». А.В. Тыркова в основном превозносит издательницу. Однако некоторые пассажи по отношению к А.А. Давыдовой несколько ироничны, несмотря на идеализированный образ издательницы. В целом, благодаря этому некрологу Тырковой мы узнаем о стремлении Давыдовой вникать во все журнальные дела, читать корректуры, выбирать тексты для номеров, действительно жить жизнью журнала, что подтверждается и перепиской А.А. Давыдовой с В.П. Острогорским³⁰. Дочери Давыдовой – Л.К. Туган-Барановской – посвящен некролог Е.А. Колтановской. Благодаря данному тексту мы можем узнать о роли Л.К. Туган-Барановской в «Мире Божьем», об ее отношениях с сотрудниками издаваемого матерью журнала.

Также нами были востребованы воспоминания, написанные и опубликованные сотрудницами периодики в конце XIX – начале XX в. Одна из упомянутых выше журналисток, Л.Я. Гуревич, оставила достаточно объемное мемуарное наследие. Ею были написаны воспоминания: о братьях И.Ф. и Н.Ф. Анненских; о М.И. Альбове, бывшим одно время редактором издаваемого ей журнала «Северный вестник»; о сотрудничавших в нем Л.Н. Толстом и Н.С. Лескове³¹. Таким образом почти все ее воспоминания сконцентрированы вокруг «Северного вестника», историю которого ей казалось важнее всего осветить в правильном, по ее мнению, виде. Но, кроме журнала, она также часто рассказывает и о себе, своем детстве, отношениях с родителями, переживаниях, о своих стремлениях к труду, свободе, Делу, о своих обязанностях издателя и редактора «Северного вестника».

Русская литература XX в. 1890–1910 / под. ред. С.А. Венгерова. М., 2004. С. 500–503.

²⁷ Фидлер Ф.Ф. Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. СПб., 1911.

²⁸ Колядич Т.А. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. URL: http://modernlib.ru/books/kolyadich_tatyana/vospominaniya_pisateley_hh_veka_evolyuciya_problematika_tipologiya/read/ (дата обращения: 22.05.2015).

²⁹ Тыркова-Вильямс А.В. Памяти А.А. Давыдовой // Мир Божий. 1902. № 4. Отд. II. С. 15–19.

³⁰ Колтановская Е.А. Над свежей могилой (Некролог) // Мир Божий. 1901. № 2. Отд. II. С. 10–14.

³¹ Гуревич Л.Я. Личные воспоминания о Н.С. Лескове. Из дневника журналиста // Северный вестник. 1895. № 4. Отд. II. С. 61–69; Альбов. Характеристика // Гуревич Л.Я. Литература и эстетика. М., 1912. С. 302–312; Гуревич Л.Я. Из некролога Н.Ф. Анненскому // Русские ведомости. № 181. 1912. URL: http://az.lib.ru/g/gurewich_1_j/text_1912_nekrolog_annenskomu.shtml/ (дата обращения: 22.05.2015); Гуревич Л.Я. Памяти И.Ф. Анненского // Русская мысль. 1910. № 1. Отд. II. С. 163–166; Из воспоминаний о Л.Н. Толстом // Гуревич Л.Я. Литература и эстетика. М., 1912. С. 276–294.

О.А. Шапир также, помимо своей автобиографии, написала мемуарную заметку, посвященную Г.К. Градовскому³². Она интересна как рассказ о журналисте, на которого, по мнению Шапир, стоит равняться. Ею приводятся характеристики изданий, в которых сотрудничал Градовский, описание празднования его юбилея.

В.Н. Цеховская, М.С. Богуславская, Е.А. Апрелева («Ардов»), А.И. Соколова стремились зафиксировать в памяти современников и потомков свое видение мира журналистики, его значимых представителей, а попутно и свой опыт работы в периодических изданиях, свой посильный вклад в историю журналистики³³. В.Н. Цеховская в воспоминаниях знакомит читателей со своей деятельностью в качестве репортера газеты «Киевское слово», характеризуя при этом всех своих коллег, стремясь зафиксировать правильный, с ее точки зрения, образ издания и его внутренней атмосферы, коллег. Она на собственном примере иллюстрирует положение женщины в прессе, отношение к ней других сотрудников и даже влиятельных представителей мира журналистики. М.С. Богуславская оставила эго-документ с говорящим названием «За четверть века», в самом начале которого она объявляет о своем желании трудиться на журналистском поприще. В тексте фокусируется внимание исключительно на работе Богуславской в органах периодики, отношениях между сотрудниками конкурирующих изданий, быте редакций газет и журналов. Содержание воспоминаний Апрелевой определяется местом их публикации в сборнике «Русские ведомости. 1863–1913», посвященном юбилею этой газеты. Журналистка сосредотачивается на описании будней редакции, на личностных качествах сотрудников и взаимоотношениям издания с властью.

Тексты А.Н. Анненской о Н.Ф. Анненском, В.В. Тимофеевой о Ф.М. Достоевском и М.М. Стасюлевиче, а также Т.М. Фарафоновой о Г.Н. Потанине представляют собой более или менее подробные воспоминания об известных мужчинах³⁴. Анненская и Фарафонова крайне мало писали о своем опыте литературной деятельности, поскольку сосредотачивают в текстах все внимание на значимом Другом. Однако даже то, как они характеризуют главного героя своих воспоминаний, многое говорит о них самих. Из текста Анненской можно также узнать о ее взаимоотношениях с мужем, с племянницей, которую они растили как родную дочь, об отношениях с властью. Обе женщины затрагивают тему специфики журналистской работы в Сибири. Тимофеева в воспоминаниях о Достоевском довольно подробно рассказывает о своей работе корректором, о стремлении к литературным занятиям. Она подчеркивает полярность мира журналистики, где в зависимости от взглядов, от принадлежности к изданию определялся круг общения. Текст Тимофеевой о Стасюлевиче напоминает некролог, хотя и опубликованный спустя два года после его смерти. В нем своеобразно написан портрет редактора-издателя «Вестника Европы», являвшегося, по мнению автора эго-документа, монархом в государстве-журнале. Благодаря этим воспоминаниям можно понять, каким виделось пространство мира журналистики и литературы для его акторов, каковы особенности темпоральных представлений сотрудниц периодики, образ власти.

В заключение необходимо сказать, что изучение созданных под влиянием разных обстоятельств воспоминаний, написанных и изданных в Российской империи, в Советском Союзе, а также в эмиграции (Нью-Йорке и Париже), дневников, автобиографий конца XIX –

³² Шапир О.А. Борец за старые идеалы // Публицист-гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Г.К. Градовского. Петроград, 1916. С. 41–47.

³³ Ардов-Апрелева Е.И. Из воспоминаний о сотрудничестве в «Русских Ведомостях» // Русские ведомости. 1863–1913. М., 1913. С. 160–164; Цеховская В.Н. Из репортерских воспоминаний // Голос минувшего. 1913. № 7. С. 123–159, № 8. С. 119–151; Соколова А.И. Встречи и знакомства. М., 2017; Богуславская М.С. За четверть века // «Наблюдатель». 1897. № 1. С. 201–227, № 2. С. 221–239.

³⁴ Анненская А.Н. Из прошлых лет. (Воспоминания о Н.Ф. Анненском) // Русское богатство. 1913. № 1. С. 53–81, № 2. С. 36–65, № 7. С. 31–84; Тимофеева В.В. Памяти М.М. Стасюлевича // Вестник Европы. 1913. № 1. С. 224–236; Тимофеева В.В. Год работы со знаменитым писателем // Исторический вестник. 1904. № 2. С. 488–592; Фарафонова Т.М. Черты из жизни сибирского патриота. К 80-летию юбилею Г.Н. Потанина // Русская мысль. 1915. № 9. С. 144–155.

начала XX в., позволяет сравнить взгляды журналисток в разные временные отрезки времени и выявить характерную для них картину мира. Благодаря эго-документам сотрудниц периодики становится возможным узнать о коммуникативных практиках, сети социальных взаимодействий и интеллектуальных лидерах журналистского сообщества, социокультурном пространстве мира журналистики, темпоральных представлениях авторов данных текстов, представлении ими таких концептов как труд, власть, свобода. Эго-документы являются плацдармом для разыгрывания социальной идентичности и новой актуализации социальных ролей, что также немаловажно для воссоздания картины мира журналисток. При помощи этих текстов женщины передавали опыт работы в различных периодических изданиях, характеристику своего положения в мужском мире печати. Они описывали работу редакции, повседневные практики журналистского сообщества, на которые напрямую влияла их картина мира. Источники личного происхождения журналисток затрагивают те проблемы, которые стояли (и стоят) перед работающими женщинами: совмещение семейной и профессиональной сферы, материнских и профессиональных функций. В своих эго-документах женщины обосновывали свое право на труд вне семьи, свое право заниматься литературной деятельностью, право на образование, в некоторых случаях – избирательное право. Таким образом, эго-документы являются комплексным источником для изучения картины мира русских журналисток конца XIX – начала XX в.

Литература

Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сборник статей / отв. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М.: НЛЮ, 2013. С. 25–67.

Зорин А.Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX в. М.: НЛЮ, 2016. 568 с.

Колядич Т.А. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. URL: http://modernlib.ru/books/kolyadich_tatyana/vospominaniya_pisateley_hh_veka_evolyuciya_problematika_tipologiya/read/ (дата обращения: 22.05.2015).

Луцевич Л.Ф. Документальность и эго-документ // Литература и документ: теоретическое осмысление темы (материалы «круглого стола»). 2008. URL: <http://imli.ru/index.php/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy> (дата обращения: 2.01.2019).

Нуркова В.В. Сверхённое продолжается: психология автобиографической памяти. М.: Издательство УРАО, 2000. 320 с.

Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX в.: А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича // *Avtobiografija*. 2014. № 3. С. 61–90.

Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. «О себе я стараюсь говорить меньше, но всё же говорю»: самоидентификация и память в русском женском автобиографическом письме конца XIX – первой половины XX в. // *Avtobiografija*. 2012. № 1. С. 121–143.

Савкина И.Л. Теории и практики автобиографического письма. URL: <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1070/1097/index.html> (дата обращения: 22.05.2015).

Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 312 с.

Reference

Belova, A.V. (2013), "Women's everyday life as subject of history of everyday life: historiographical and methodological aspects", in *Rossiyskaya povsednevnost' v zerkale gendernykh otnosheniy: sbornik statey* [Russian everyday life in a mirror of gender relation], *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, Moscow, Russia. pp. 25–67.

Zorin, A.L. (2016), *Poyavlenie geroya. Iz istorii russkoj ehmocional'noj kul'tury konca XVIII – nachala XIX v.* [The appearance of the hero: from the history of Russian emotional culture in the late XVIII – early XIX century], *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, Moscow, Russia, 568 p.

Kolyadich, T.A. (1999), *Vospominaniya pisateley XX veka (evolyuciya, problematika, tipologiya)* [Memory of writers of XX century (evolution, problematic and typology)], available at: http://modernlib.ru/books/kolyadich_tatyana/vospominaniya_pisateley_hh_veka_evolyuciya_problematika_tipologiya/read/ (accessed 22.05.2015).

Lutsevich, L.F. (2008), *Documentary and ego-document* [Documentary and ego-documentary] // *Literature and document: theoretical understanding of the topic (materials of the "round table")*, available at: <http://imli.ru/index.php/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy> (accessed 2.01.2019).

Nurkova, V.V. (2000), *Svershyonnoe prodolzhaetsya: psihologiya avtobiograficheskoy pamyati* ["What have done is going on": psychology of autobiographical memory], Publishing house of University of Russian academy of education, Moscow, Russia, 320 p.

Rodigina, N.N., Saburova, T.A. (2014), "Memory, Time, and Space in the Memoirs by the Russian Journalists Alexander Amfiteatrov and Vlas Doroshevich", in *AvtobiografiЯ*, Number, № 3, pp. 61–90.

Rodigina, N.N., Saburova, T.A. (2012), "“I try to speak less about myself, by in the end I do”": memory in autobiographical letters written by Russian Women between the end of the XIX and the first half of the XX centuries", in *AvtobiografiЯ*, January, № 1, pp. 121–143.

Savkina, I.L. (2008), "Theory and practices of autobiographical writing", available at: <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1070/1097/index.html> (accessed: 22.05.2015).

Tartakovsky, A.G. (1980), *1812 god i russkaya memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya.* [1812 year and Russian memoirs. Experience of source studies exploring], Nauka, Moscow, Russia, 312 p.

Статья поступила в редакцию 28.02.2019 г.